

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.046

УДК 796.01:612 + 796.011.1 + 316.648 + 141.7

И. В. Сидорчук*Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ДИСКУССИИ О «ФИЗИЧЕСКОМ ВЫРОЖДЕНИИ ПРОЛЕТАРИАТА» И СОВЕТСКИЙ ЕВГЕНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ 1920-х гг.*

В настоящей статье рассматриваются предпосылки и особенности складывания советской модели развития массового спорта и физической культуры в связи с теорией и практикой советских евгенистов 1920-х гг. Высокая оценка перспектив евгеники частью политической и научной элиты Советской России была связана с существовавшими представлениями об угрозе вырождения рабочего класса, вызванной последствиями эксплуатации, войн и эпидемий. В рамках исследования были рассмотрены истоки советской евгеники, предопределившие основные особенности ее развития, проанализированы взгляды ее апологетов от власти и мира науки относительно перспектив обращения к ней в борьбе с вырождением пролетариата через спорт и физкультуру. Главным отличием советской евгеники был ее классовый характер, что было важнейшей причиной ее противопоставления фашистской и буржуазной, а основной задачей стало возвращение «нового советского человека». Автор приходит к выводу, что часть отечественных евгенистов рассматривала науку об улучшении человека в связи не только с исследованием наследственности, но и с физической культурой. Эти устремления привели советских евгенистов 1920-х гг. к поддержке утопии здорового тела, обращению к физической культуре и спорту как важной составляющей борьбы с вырождением советского человека. Вскоре физическая культура и спорт стали элементами советской идеологической системы. Евгенические концепции в конце 1920-х гг. были подвергнуты резкой критике, но это никак не отразилось на развитии спорта и физической культуры, оставшихся важной частью советского социокультурного проекта, сохранившимся наследием советской позитивной евгеники.

К л ю ч е в ы е с л о в а: спорт в СССР; советская евгеника; физкультура в 1920-е гг.; В. М. Бехтерев; Русское евгеническое общество; вырождение; Н. К. Кольцов; история науки.

Ц и т и р о в а н и е: Сидорчук И. В. Дискуссии о «физическом вырождении пролетариата» и советский евгенический проект 1920-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 71–84.

Поступила в редакцию 15.06.2018

Принята к печати 09.07.2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00728 «Массовый спорт в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: рекрутирование, повседневные практики, механизмы социального контроля»).

© Сидорчук И. В., 2018

Ilya V. Sidorchuk*St Petersburg State University
St Petersburg, Russia*

DISCUSSIONS ON THE “PHYSICAL DEGENERATION OF THE PROLETARIAT” AND THE SOVIET EUGENICS PROJECT OF THE 1920s

This article considers the background and features of the formation of the Soviet model of mass sports and physical culture development in connection with the theory and practice of Soviet eugenicists of the 1920s. Eugenics was regarded as a promising science by some representatives of the political and scientific elite of Soviet Russia as a means of avoiding the threat of degeneration of the working class, caused by the consequences of exploitation, wars, and epidemics. The author focuses on the origins of Soviet eugenics which predetermined the main features of its development, analyses the views of its proponents from the government and academia as regarded turning to it in the struggle against the degeneration of the proletariat by means of sports and physical education. The main difference of Soviet eugenics was its class character, which was the most important reason for its opposition to fascist and bourgeois eugenics, and its main task was the cultivation of a “new Soviet man”. The author concludes that some Soviet eugenicists considered the science of human improvement not only in connection with the study of heredity, but also physical culture. These aspirations led the Soviet eugenicists of the 1920s to support the utopia of a healthy body, to appeal to physical culture and sports as an important component of struggle against the degeneration of the Soviet man. Soon, physical culture and sport became elements of the Soviet ideological system. Concepts of eugenics in the late 1920s were sharply criticised, but this did not affect the development of sports and physical culture, which remained an important part of the Soviet sociocultural project, keeping the legacy of Soviet positive eugenics.

Key words: sport in the USSR; Soviet eugenics; physical education in the 1920s; Vladimir Bekhterev; Russian eugenics society; degeneration; Nikolay Koltsov; history of science.

Acknowledgements

The study is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 18-09-00728 “Mass Sports in the USSR in the 1920s–1930s: Recruitment, Daily Practices, and Mechanisms of Social Control”).

Citation: Sidorchuk, I. V. (2018). Diskussii o “fizicheskom vyrozhdenii proletariata” i sovetskij evgenicheskij proekt 1920-kh gg. [Discussions on the “Physical Degeneration of the Proletariat” and the Soviet Eugenics Project of the 1920s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 71–84.

Submitted on 15 June, 2018

Accepted on 09 July, 2018

История евгеники в целом и ее национальных моделей (Германии, США и др.) привлекает внимание историков, антропологов, медиков, социологов [Rosen; Kevles; Mazumdar; Lombardo; Kuhn]. Евгенические концепции оцениваются в целом критически, и это вполне обоснованно, учитывая базирующиеся на их постулатах антигуманные практики (арийский миф, расовая гигиена и пр.). В то же время евгеническое обещание «здоровья и счастья» сохраняется сегодня в дискурсе генетики и репродуктивной медицины [Tanner]. Основные особенности советской, позитивной евгенической системы и ее трагическая судьба достаточно подробно исследованы [см.: Фандо; Кременцов, 2014; 2015; Пчелов, 2005; 2007; Соболев; Инге-Вечтомов; Adams; Graham; Howell]. При этом вне сферы наблюдений остался вопрос ее соотношения с концепцией «вырождения рабочего класса», что на практике оказалось связано с развитием массового советского спорта и физической культуры в 1920-е гг.

Высокая оценка перспектив евгеники частью политической и научной элиты Советской России коррелировала с существовавшими представлениями о судьбе рабочего класса. В середине XIX в. французский психиатр Б. О. Морель создал концепцию вырождения (дегенерации), связав его с внешними факторами. В современных ему условиях под угрозу попадал рабочий класс, которого буржуазия лишала достойных условий труда и жизни. Т. е. вырождение человеческой породы передавалось по наследству, а не было врожденным, и являлось порождением социальной среды, оказывавшей наиболее пагубное воздействие именно на рабочих [Кастель, с. 247]. Некоторые авторы определяют эту концепцию как «классовый расизм» [Chevalier, p. 602]. Свою роль сыграло и внимание к проблеме пауперизма в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. В контексте советской евгенической системы определенный интерес представляет собой антропологически ориентированная история советского спорта и физической культуры.

В настоящей статье рассматриваются предпосылки и особенности складывания советской модели развития массового спорта и физической культуры в связи с теорией и практикой советских евгенистов 1920-х гг. Автор обратился к выявлению связанных с развитием евгеники утопических ожиданий, ярко сформулированных одним из ее идеологов, главой Русского евгенического общества, профессором Н. К. Кольцовым: «Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков» [Кольцов, с. 27]. В рамках исследования также были рассмотрены истоки советской евгеники, предопределившие основные особенности ее развития. При написании работы использован спектр источников, связанных с деятельностью Русского евгенического общества, Бюро по евгенике Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил СССР при Академии наук, Общества социальной евгеники и др., а также данные периодической печати. Это позволило проанализировать взгляды апологетов евгеники от власти и мира науки относительно перспектив обращения к ней в борьбе с вырождением пролетариата через спорт и физкультуру.

Актуальность темы вызвана необходимостью комплексного системного рассмотрения советского массового спорта как составной части советского

социокультурного проекта. Важность его развития была связана с формированием образа советского спортсмена как культурного героя нового мира, визуальной репрезентации «утопии здорового тела». Понимание данного концепта «нового человека» оказывается неполным при оставлении вне рамок изучения особенностей советского евгенического проекта, направленного на борьбу с вырождением рабочего класса.

Методологические ориентиры исследования связаны, прежде всего, с новой социальной историей, которая изучает систему иерархически взаимосвязанных социальных позиций и совокупности ролевых предписаний, предъявляемых обществом к лицам, занимающим эти позиции. При написании статьи были использованы методы социокультурного проектирования: в исследовании социокультурный проект рассматривается как теоретическая и предметная практическая деятельность по созданию социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений на основе прогнозирования и планирования новых аспектов повседневности, социальных качеств и свойств, являющихся значимой социальной потребностью.

Существенным стимулом к развитию евгеники стала Первая мировая война. Она придала импульс идеям дарвинизма о конкуренции между народами. В частности, в Германии на волне империалистического шовинизма в период войны возник ряд обществ, преследовавших цель заботы о выработке крепкой германской расы [Юдин, 1925, с. 46]. Миллионные жертвы среди молодых здоровых мужчин в послевоенных условиях ставили перед евгенистами задачу физического и духовного возрождения наций. Мысль о войне как действенном средстве естественного отбора, высказывавшуюся некоторыми западными учеными, их советские коллеги не принимали. В частности, антрополог В. В. Бунак заявлял: «Несколько таких войн не только грозят Европе возвращением к временам варварства, но представляют опасность для будущности европейских народов, для самого бытия европейских рас». Он предсказывал, что неблагоприятное действие этой войны проявится лет через двадцать, в 1935–1940 гг., «когда старшие поколения сойдут со сцены, а новые не вступят им на смену» [Бунак, с. 231]. Один из учеников академика ВАСХНИЛ А. С. Серебровского, расстрелянный в 1937 г. В. Н. Сlepков, полагал, что нельзя смотреть на войну как на способ отбора наиболее приспособленных особей:

Война, это — ужасная машина смерти, она не щадит никого — ни слабых, ни сильных, ни больных, ни здоровых. Все с одинаковым успехом могут играть роль пушечного мяса. Голод, разруху, падение рождаемости, невиданный рост венерических и других болезней — вот что несет с собой война, способствуя дальнейшему росту вырождения человечества. И никакого отбора и переживания более сильных и здоровых [Слепков, с. 128].

Общим выводом сообщества евгенистов было заключение, что убийственная война понизила общий уровень человеческой культуры, и развитие евгеники как науки, обладающей средствами для возрождения упадочных рас, является

актуальнейшей темой. Россия не была исключением, ведь страна понесла дополнительные потери в связи с Гражданской войной, голодом и эпидемиями. В 1922 г. в журнале «Физическая культура» была опубликована статья гигиениста, последователя П. Ф. Лесгафта В. В. Гориневского «Научные основы тренировки». Констатируя различия физической конституции у европейских народов, он утверждал, что если говорить о вырождении, русские занимают первое место. Русский народ был под «Дамокловым мечом вырождения и вымирания» еще до начала Первой мировой войны. «Позорная мировая бойня», эпидемии, голод ослабили народ еще больше, повлияв на качественный состав населения [Гориневский, с. 5–6]. При этом тот же В. В. Бунак полагал, что европейская война нанесла бы больший биологический урон развитым странам, а не отсталой России, если бы не последовавшие в постреволюционной стране социальные потрясения:

Чем культурнее страна, тем больше для нее биологическая опасность войны. Отсталая Россия пострадала от европейской войны в биологическом отношении меньше, чем передовые страны, но и для нее последствия войны, особенно последующих событий, очень ощутительны, и в общем, может быть, превосходят то, что потерял запад [Бунак, с. 231; Graham, p. 1149].

В Советской России существовало несколько центров развития евгеники. В 1920 г. в Москве в Институте экспериментальной биологии был организован отдел евгеники, а вскоре там же возникло Русское евгеническое общество, с конца 1922 г. издававшее «Русский евгенический журнал». В Ленинграде существовало Бюро по евгенике Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил СССР при Академии наук, издававшее «Известия Бюро по евгенике». Его заведующим являлся профессор Ю. А. Филипченко. В ряде учреждений вопросами евгеники занимались как отдельные ученые, так и специально собранные коллективы [Кременцов, 2014, с. 30–33].

Еще до того, как евгеника стала плотно ассоциироваться с нацизмом, было понятно, что она не может существовать вне привязки к какой-либо идеологии. Это отмечалось как зарубежными авторами, так и отечественными. Профессор Лондонского университета Р. А. Гетс в переведенной в Советском Союзе книге «Наследственность и евгеника» утверждал:

Сторонники евгеники различаются друг от друга по тому значению, которое они придают, в зависимости от своих социальных и политических взглядов, демократическому или аристократическому обществу, как основе для евгенического улучшения человеческого рода. Мы не будем здесь касаться этого трудного вопроса и только отметим, что методы евгенического подбора в обоих этих случаях будут несколько различны [Гетс, с. 233].

Интересно, что если фашист Б. Муссолини полагал, что фертильные люди с желанием распространить свою расу на поверхности земли имеют право на Империю, то в СССР аргумент о высокой фертильности советских людей

мог использоваться в качестве доказательства преимущества социализма над капитализмом. Об этом, в частности, говорил начальник Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана А. И. Краваль [За рамками тоталитаризма, с. 121].

Сторонники евгеники в России пытались привязать ее к марксизму. Один из активных деятелей советского евгенического движения, руководитель врачебно-санитарного отдела Наркомпроса Е. П. Радин, писал:

Как социализм идет со своим научно отточенным учением Маркса в области социально-экономической на смену буржуазному индивидуализму, так и на смену индивидуалистической евгенике идет социальная евгеника. Социальная евгеника опирается на биопедологию, как и Маркс в своем историческом материализме исходил из естественнонаучного материализма. Но социальная евгеника в равной степени основывается и на научном марксизме; она считает, что развитие личности есть производное развития общества. Основа развития личности — производственно-экономические отношения, господствующие в обществе. Как естественнонаучный материализм, ставши достоянием идеологов рабочего класса, должен был сделать дальнейший шаг и претвориться в исторический материализм, так и евгеника при советском строе должна была представить синтез, слияние биопедологии и марксизма в социальной евгенике [Радин, с. 5].

Другой поборник развития евгеники М. В. Волоцкой высказывался в том же ключе:

Та научная дисциплина, которая должна быть создана в СССР как ответ на общее-буржуазное евгеническое движение, должна прежде всего основываться на *биосоциальном* фундаменте — на дарвинизме в сочетании с марксизмом [Волоцкой, с. 42].

В. Н. Слепков утверждал, что «наряду с планами электрификации, индустриализации, научной организации труда и пр. пролетариат должен поставить задачу “рационализации” самого человеческого организма, сильно поврежденного предшествующим классовым строем» [Слепков, с. 162]. В случае победы капитала, евгеника будет продолжать служить поддержке власти привилегированных классов и угнетению масс, гибели социализма. Для описания этой антиутопичной картины В. Н. Слепков даже заимствовал слова американского миллиардера мистера Твайвта из романа И. Эренбурга «Трест Д. Е. История гибели Европы»:

Строго контролируя зачатья, мы можем в течение ста лет создать несколько удачных пород ломовых лошадей: человек-грузчик, человек-возчик, человек-лакей и другие, по желанию. У грузчиков развитие грузоподъемности — десять лошадиных сил, крохотная голова, кретинизм, полное послушание, растительная пища. У лакеев особо развитые руки-крючки, атрофия языка, отсутствие половой возбудимости и т. д. Все это гораздо гуманнее бесчеловечных людей-автоматов¹, о которых сообщала

¹ Интересно, что В. Н. Слепков был слегка неточен в цитировании И. Г. Эренбурга, заменив «бесчеловечных людей-автоматов» на «роботов» [Слепков, с. 151].

недавно «Чикагская трибуна», и достигает той же цели. Главное — приучить наших рабочих к христианскому смирению. Импорт ста тысяч ломовых людей окончательно уничтожит социализм [Эренбург, с. 151].

Таким образом, активно проводились попытки противопоставить западной евгенике новую, советскую, социальную евгенику. При этом, как и в других областях знания, среди советских евгенистов велась активная борьба за «подлинно марксистскую» евгеническую теорию и отсутствовало единство понимания ее практического использования [Волоцкой, с. 27–32].

Значительное число западных специалистов отрицало евгеническое значение физической культуры, полагая что ключевым является поиск производителей, а не улучшение благосостояния населения. Например, для одного из крупнейших расовых теоретиков, автора «Очерка теории человеческой наследственности и расовой гигиены» (1921) Ф. Ленца одним из аргументов служило то, что усиленные занятия древних греков гимнастикой не уберегли их от упадка. В связи с этим он призывал дать отпор новой «псевдо-евгенике», которая полагает, что избирательная система евгеники может быть заменена систематическим проведением физической культуры. Впрочем, ректор Государственного института физической культуры А. А. Зикмунд, заочно полемизируя с немецким коллегой, объяснял ситуацию в Древней Греции тем, что к периоду упадка совершенная, дававшая гармоническое развитие гимнастическое система выродилась в уродливые односторонние формы, и пятиборье было вытеснено панкратионом, т. е. кулачными боями [Там же, с. 34].

Некоторые отечественные ученые также акцентировали внимание на том, что выведение «новой породы» людей связано с исследованием наследственных признаков, а повышение культурного уровня не является действенным способом облагородить человеческий род. В частности, к ним относился Н. К. Кольцов. В речи на ежегодном заседании Русского евгенического общества 20 октября 1921 г. он заявил, что «...разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных, и что единственным методом этого разведения может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях, или те или иные социальные реформы или перевороты» [Кольцов, с. 10]. Активно критиковал Н. К. Кольцова его коллега по Обществу М. В. Волоцкой, полагая, что такой созидательный момент, как физкультура, должен получить в советской евгенике достойное освещение. Он предлагал помнить «о чрезвычайно характерном отношении евгеники сегодняшнего дня к таким мероприятиям, как охрана труда, физическая культура, воспитательная работа, социальная гигиена, те или иные социальные реформы или перевороты и т. п.» [Волоцкой, с. 33].

Комплексный подход к евгенике пытался применить В. М. Бехтерев. Он обратился к проблеме вырождения рабочих еще в 1908 г. во вступительном слове при открытии научной деятельности Психоневрологического института перед публичным заседанием, посвященным памяти Б. О. Мореля. Главной причиной вырождения он прямо назвал капитализм, с которым призывал бороться:

Эта общая причина есть капиталистический строй современного общества. Он приводит к пагубной борьбе за существование, он доводит до крайнего напряжения нервную систему отдельных лиц, он доводит рабочее население до крайнего физического истощения и обуславливает необходимость прибегать к употреблению возбуждающих средств, он приводит к развитию нищеты с одной стороны и преступной роскоши с другой. <...> Следовательно, все наши усилия в смысле правильной борьбы с вырождением населения, все наши стремления достигнуть улучшения человеческой природы должны быть направлены на устранение капиталистического строя и на установление путем постепенного развития более правильных норм общественной жизни [Бехтерев, 1908, с. 520].

В личном архивном фонде ученого находится разработанный им проект Устава Общества социальной евгеники, а также записка «Основные вопросы социальной евгеники». Общество состояло при Институте мозга и имело основной целью «содействовать всеми доступными средствами усовершенствовать человеческую личность в смысле ее развития, поддержки и обеспечения ее творчества в различных отраслях современной культуры и выяснения медицинских, биологических, бытовых, общественных и иных условий для выявления человека как инициатора, культурного деятеля, изобретателя и творца» [Проект Устава, л. 2]. В рамках его работы осуществлялось изучение и выяснение условий, препятствующих и содействующих «развитию человека вообще, включая его наследственные условия рождения и особенности же, условия воспитания, среды, быта, природы, физических факторов, влияние профессии и иных общественных влияний, которые могут содействовать развитию и усовершенствованию деятельности человека в науке, искусстве, литературе, экономике и других отраслях человеческой культуры», а также вопросов одаренности [Там же].

Показательно, что в уставе нет ничего о классовости или марксизме. Пожалуй, единственным маркером того, что текст написан после Октября 1917 г. является акцентирование В. М. Бехтеревым внимания на вопросах социальной евгеники, что при желании можно связать с идеями тотальных социальных перемен, пропагандировавшихся большевиками. С другой стороны, интерес к изучению коллективов у ученого возник задолго до революции, которая лишь дала многочисленный материал для изучения и, таким образом, стала катализатором усиления интереса к коллективной психологии. Для изучения социальной евгеники В. М. Бехтерев также предложил создать новую науку:

...человеческая личность есть продукт социальной среды, продукт человеческого сообщества, создавшегося путем многовекового совместного труда, создав свою культуру и цивилизацию, которых не знает животный мир. Эта социальная среда имеет свои законы, которыми она управляется, ибо она, имея свои собственные условия жизни, вследствие чего в общей своей совокупности эти условия составляют совершенно особый мир, мир социальный или надорганический. Этот надорганический мир выдвигает свои научные задачи, разрешение которых приводит к определенным научным выводам, лежащим в основе особых учений. В числе этих учений должно

быть выдвинуто прежде всех учение о социальной наследственности и о социальном отборе, на основании того и другого принципа главным образом и должна создаваться новая наука [Бехтерев, ф. 2265, оп. 1, № 975, л. 9].

В черновике другой работы, посвященной первым мероприятиям Советской власти, ученый предлагал:

В целях проведения в жизнь основных положений евгеники и в целях возрождения болезненных семей должно быть введено обязательное врачебное освидетельствование при вступлении в брак [Там же, № 1038, л. 1 об.].

Обращение части советских евгенистов к физической культуре и спорту коррелировало с государственной политикой в этом направлении. В рассматриваемый период новые телесные практики формировались во взаимодействии с общественными задачами и запросами власти. Утопия обновленной культуры не могла не включать в себя утопию здорового тела, моделью которого являлась машина, что связывалось с общим технократическим характером большевистской власти. Спорт становился важной составляющей «улучшения» советского человека.

Изначально спорт рассматривался большевистскими идеологами как «буржуазная привычка», бесполезная для рабочего класса. Данный взгляд являлся наследием дореволюционной эпохи, когда он был характерен для многих критиков власти, утверждавших, что в условиях низкого уровня жизни населения внимание к спорту — непростительное излишество [Хмельницкая, с. 83]. Однако под влиянием евгенических идей, с одной стороны, и практических потребностей военного дела — с другой, родился интерес к спорту как форме досуга пролетариата. Массовый спорт стал важнейшей телесной практикой и элементом идеологической системы. Причем если евгенические концепции впоследствии были подвергнуты резкой критике, то это никак не отразилось на развитии спорта и физической культуры.

Мысли о связи евгеники с физической культурой и проблемой вырождения активно высказывались в спортивных изданиях [см.: Быховская, с. 293]. Журнал «Физическая культура» в передовой статье первого номера, «Физическая культура трудящихся», писал:

Тяжелое экономическое положение рабочего класса при капитализме, изнуряющие условия труда в капиталистическом производстве и, наконец, империалистическая война довели рабочих и крестьян до крайнего физического истощения.

Угрожающее повышение детской смертности и заболеваемости, ранняя приостановка физического развития молодежи, чрезвычайно слабая сопротивляемость организма внешним влияниям и т. д., все это признаки физического вырождения. <...>

В годы революции трудящимся России пришлось пережить еще большие страдания, а ближайший период борьбы за восстановление нашего хозяйства потребует нового напряжения всех сил, вместе с тем не давая заметного улучшения условий жизни. Между тем интересы обороны Республики и поднятия производительных сил требуют энергичных действий в области физического оздоровления трудящихся и в первую очередь молодежи. <...>

И по содержанию своему спорт и разные системы физических упражнений, получившие распространение, создавались буржуазией для себя. Господствующие классы капиталистического общества искали в спорте сильных ощущений, они стремились исправить недостатки организма, вызванные пресыщением, они боролись с вырождением, явившимся результатом отсутствия или недостатка физического труда. <...>

Трудящиеся через физическую культуру должны исцелиться от своих профессиональных болезней и физических недостатков, коими наградил их капиталистический строй [Физическая культура трудящихся, с. 1].

В том же номере А. Баранов в статье «Всеобщий и профессиональные союзы» писал: «Здоровый классовый инстинкт рабочего диктует ему проведение самых решительных мер для борьбы с вырождением пролетариата. Этим объясняется широкое стремление рабочих к спорту и гимнастике» [Баранов, с. 9]. Характерен также и отказ от «западного» профессионального спорта, когда отбираются только одаренные единицы, тогда как массы при этом игнорируются. По мнению заведующего кафедрой психиатрии Казанского университета Т. И. Юдина, задача «правильной» евгеники состоит в «поддержании всех положительных сил человечества, их наибольшем развитии и укреплении» [Юдин, 1928].

Одним из первых, кто высказал мысль о физической культуре как средстве борьбы с вырождением, был В. В. Гориневский. В упомянутой выше статье «Научные основы тренировки» он указал на то, что массовое физическое вырождение оказывает на психику народа такое же влияние, какое индивидуальная деформация оказывает на психику отдельного человека. Все это обуславливает неполноценность как в физическом, так и в психическом отношении. В спорте он видел залог возрождения страны:

В нашем государстве, несмотря на величайшие потери, которые оно понесло людьми, существуют здоровые элементы, оставшиеся невредимыми среди ужасных потрясений. Это прежде всего та молодежь, которая с увлечением занималась спортом, способна трудиться и по всем данным может насаждать физическую культуру в нашем государстве, участвуя в этой работе, действуя словом и делом [Гориневский, с. 6].

Его взгляды разделял нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, также видевший в физической культуре спасение от вырождения, к которому своей «гнуснейшей эксплуатацией» приводил царский строй, поставивший «страну в такое положение, что наше население шло к прямому вырождению» [Стенографический отчет..., с. 23–244; Семашко, стлб. 639–642].

Одна статья, опубликованная в журнале «Физическая культура», по некоторым пунктам пошла даже дальше В. В. Гориневского. Обращаясь к явлениям вырождения своей эпохи, М. Ромм говорил о вырождении «культурного человека»: «В функциональном отношении современный человек так же далеко отстал от дикаря или древнего грека, как по силе и красоте мышц и форм своего тела» [Ромм, с. 10]. Сравнивая «дикие и полудикие племена» со своими цивилизованными современниками, М. Ромм выразил уверенность в том, что близость к природе и естественные условия жизни благородных дикарей, «восхитительная

морфология негра или полинезийца» и «изумительные формы женщин из диких племен» говорят о гармоничном физическом развитии, недостающем современникам. Дикари, жизнь которых еще не разрушена европейскими или американскими «носителями культуры», обладают силой, красотой и выносливостью: «Негры, индейцы, полинезийцы проявляют на войне, на охоте, в играх и забавах такую силу, ловкость и выносливость, которой позавидуют лучшие спортсмены культурных наций» [Ромм, с. 5]. Отметим, что тревогу у ученых вызывала не только судьба рабочих. Так, Ю. А. Филипченко выражал опасения, что новая советская интеллигенция унаследует вырождение от дореволюционной (в частности, низкую фертильность), что поставит под угрозу развитие советского государства [Филипченко, с. 168].

Несмотря на значительные успехи, поддержку власти и, казалось бы, радужные перспективы развития, в период «великого перелома» евгеника все чаще стала попадать под огонь критики. Исследователь Н. Л. Кременцов справедливо замечает, что попытки очернить евгенику в конце 1920-х гг. были скорее следствием обострения борьбы внутри ученого сообщества и стремления власти добиться полного контроля над научной жизнью, сталинизации науки [Кременцов, 2014, с. 40–41]. В 1930 г. был снят с должности поддерживавший евгеническое движение Н. А. Семашко. Евгенисты все чаще предпочитали использовать термин *медицинская генетика*, опасаясь обвинений в механицизме, поклонении «западной» и «буржуазной» науке. После 1933 г. евгеника, несмотря на все старания ее адептов в Советском Союзе, стала прочно ассоциироваться с нацизмом и расовой гигиеной. В период «большого террора» репрессии в отношении ряда советских последователей «фашистской науки» довершили ее разгром.

Подводя итоги, стоит отметить, что главным отличием советской евгеники был ее классовый характер, что было важнейшей причиной ее противопоставления фашистской и буржуазной, а основной задачей стало возвращение «нового советского человека». Эти устремления привели советских евгенистов 1920-х гг. к поддержке утопии здорового тела, обращению к физической культуре и спорту как важной составляющей борьбы с вырождением советского человека. Перспективой решения этой задачи она и привлекала власть. Часть отечественных евгенистов рассматривала науку об улучшении человека в связи не только с исследованием наследственности, но и с физической культурой. Это способствовало изменению отношения к решению задач формирования новых телесных практик в соответствии с общественными задачами и запросами власти. Вскоре физическая культура и спорт стали важнейшими элементами советской идеологической системы.

Советская евгеника, желавшая восстановления здоровья людей, подорванного в период 1914–1921 гг., а также во времена капиталистической эксплуатации, ослабившей население физически, не представляла опасности по сравнению с западной. За подобными взглядами крылась огромная вера в науку, характерная для того времени, целиком и полностью посвященную служению новому обществу. Советских последователей евгеники интересовала работа

по осуществлению культурного проекта в масштабах всего человечества. Несмотря на это, евгенические концепции в конце 1920-х гг. были подвергнуты резкой критике, а в начале 1930-х гг. сама евгеника в СССР была полностью запрещена. При этом данное обстоятельство никак не отразилось на развитии спорта и физической культуры, остававшихся важной частью советского социокультурного проекта, сохранившимся наследием советской позитивной евгеники.

Источники

- Баранов А.* Всеобуч и профессиональные союзы // Физическая культура. 1922. № 1. С. 9.
- Бехтерев В. М.* Вопросы вырождения и борьба с ним (Вступительное слово при открытии научной деятельности Психоневрологического института) // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1908. № 9. С. 518–521.
- Бехтерев В. М.* Основные вопросы социальной евгеники // ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. № 975. Л. 9.
- Бехтерев В. М.* Отношение к 1-м мероприятиям Советской власти // ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. № 1038. Л. 1–1 об.
- Бунак В. В.* Новые данные к вопросу о войне как биологическом факторе // Рус. евген. журн. 1923. Т. 1. № 2. С. 223–232.
- Волоцкой М. В.* Классовые интересы и современная евгеника. М. : Жизнь и знание, 1925. (Из трудов Гос. науч.-исслед. ин-та им. К. А. Тимирязева. Отд.-ние биол. факторов социальных явлений. Секция антропоэкологии № 1).
- Гетс Р. А.* Наследственность и евгеника / пер. и ред. Ю. А. Филипченко. Л. : Сеятель, 1926.
- Гориневский В.* Научные основы тренировки // Физическая культура. 1922. № 1. С. 4–10.
- Кольцов Н. К.* Улучшение человеческой породы // Рус. евген. журнал. 1922. Т. 1. № 1. С. 1–27.
- Проект Устава Общества социальной евгеники // ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. № 975. Л. 2.
- Радин Е. П.* Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. Орел : Госизд. Орловское отд.-ние, 1923.
- Ромм М.* О физической культуре трудящихся // Физическая культура. 1923. С. 4–10.
- Семашко Н. А.* Их евгеника и наша (Из публичного доклада) // Вестн. совр. медицины. 1927. № 10. Стлб. 639–642.
- Слепков В.* Евгеника. Улучшение человеческой природы. М. ; Л. : Госиздат, 1927.
- Стенографический отчет Первого Всесоюзного совещания Советов физической культуры 15–20 апреля 1924 г. М. : Изд. Высш. Совета физической культуры, 1924.
- Физическая культура трудящихся // Физическая культура. 1922. № 1. С. 1–2.
- Филипченко Ю. А.* Пути улучшения человеческого рода (евгеника). Л. : Госиздат, 1924.
- Эренбург И.* Трест Д. Е. История гибели Европы. М. : Земля и фабрика, 1923.
- Юдин Т. И.* Евгеника: учение об улучшении природных свойств человека. 2-е изд. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.
- Юдин Т. И.* Евгеника. М. : М. и С. Сабашниковы, 1928.

Исследования

- Быховская И., Мильштейн О.* Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социол. обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 284–319.
- За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / ред. М. Гейер и др. М. : РОССПЭН, 2011.
- Инге-Вечтомов С. Г.* Ю. А. Филипченко – ученый, педагог и организатор науки // Экол. генетика. 2007. Т. 5. № 2. С. 3–11.

- Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб. : Алетей, 2009.
- Кременцов Н. Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // Ист.-биол. исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 24–56.
- Кременцов Н. Л. Международная евгеника и российское медицинское сообщество, 1900–1917 // Ист.-биол. исследования. 2015. Т. 7. № 1. С. 7–40.
- Пчелов Е. В. Генеалогия в контексте евгеники (отечественный опыт 1920-х годов) // Труды Рус. антропол. школы. 2007. Вып. 4. Ч. 2. С. 139–162.
- Пчелов Е. В. Генеалогия и евгеника в России в 1920-е годы. Некоторые архивные материалы // Генеал. вестн. 2005. № 22. С. 20–26.
- Соболев В. С. Поиски гармонии человека (из истории отечественной евгеники) // Ист.-биол. исследования. 2013. Т. 5. № 1. С. 33–38.
- Фандо Р. А. Прошлое науки будущего: история евгеники в России. Полтава : АСМИ, 2014.
- Хмельницкая И. Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М. : Новый хронограф, 2011.
- Adams M. B. Eugenics in Russia // *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* / ed. by M. B. Adams. New York, Oxford : Oxford Univ. Press, 1990. P. 153–216.
- Chevalier L. *Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIX siècle*. Paris : Hachette, 1984.
- Graham L. R. Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // *The American Historical Review*. 1977. Vol. 82. № 5. P. 1133–1164.
- Howell Y. Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 3. P. 544–562.
- Kevles D. J. *In the Name of Eugenics. Genetics and the Uses of Human Heredity*. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1998.
- Kuhn St. *The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002.
- Lombardo P. A. Three generations, no imbeciles: Eugenics, the Supreme Court, and Buck v. Bell. Baltimore, MD : Johns Hopkins Univ. Press, 2008.
- Mazumdar P. M. H. *Eugenics, human genetics and human failings: The Eugenics Society, its sources and its critics in Britain*. London ; New York : Routledge, 1992.
- Rosen C. *Preaching Eugenics: Religious Leaders and the American Eugenics Movement*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2004.
- Tanner J. Eugenics before 1945 // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. № 4. P. 458–479.

References

- Adams, M. B. (1990). Eugenics in Russia. In M. B. Adams (Ed.), *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* (pp. 153–216). New York, Oxford: Oxford University Press.
- Bykhovskaya, I., & Milstein, O. (2017). Sovetskaya sotsiologiya sporta: start i... yeshche raz start (sub'yektivnyye zametki s pretenziyey na ob'yektivnost') [The Soviet Sociology of Sport: Start and... once again Start (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 16 (2), 284–319. (In Russian)
- Chevalier, L. (1984). *Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIX siècle*. Paris: Hachette. (In French)
- Fando, R. A. (2011). *Proshloye nauki budushchego: istoriya yevgeniki v Rossii* [The Past of a Future Science: The History of Eugenics in Russia]. Poltava: ASMI. (In Russian)
- Geyer, M. et al. (Eds.). (2011). *Za ramkami totalitarizma. Sravnitel'nyye issledovaniya stalinizma i natsizma* [Beyond Totalitarianism. Comparative Studies of Stalinism and Nazism]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Graham, L. R. (1977). Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s. *The American Historical Review*, 82 (5), 1133–1164.

Howell, Y. (2006). Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness. *Slavic Review*, 65 (3), 544–562.

Inge-Vechtomov, S. G. (2007). Yu. A. Filipchenko — uchenyy, pedagog i organizator nauki [Yu. A. Filipchenko — Scientist, Teacher, and Founder of Science]. *Ekologicheskaya genetika*, 5(2), 3–11. (In Russian)

Kastel, R. (2009). *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika nayemnogo truda* [The Metamorphoses of the Social Issue. A Chronicle of Wage Labour]. St Petersburg: Aleteyya. (In Russian)

Kevles, D. J. (1998). *In the Name of Eugenics. Genetics and the Uses of Human Heredity*. Cambridge: Harvard University Press.

Khmelnitskaya, I. B. (2011). *Sportivnyye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva* [Sports Societies and Leisure in the Capital City of the Early 20th Century: St Petersburg and Moscow]. Moscow: Novyy khronograf. (In Russian)

Krementsov, N. L. (2014). Ot “zverinoy filosofii” k meditsinskoj genetike: yevgenika v Rossii i Sovetskom Soyuze [From “Animal Philosophy” to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union]. *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 6 (2), 24–56. (In Russian)

Krementsov, N. L. (2015). Mezhdunarodnaya yevgenika i rossiyskoye meditsinskoye soobshchestvo, 1900–1917 [International Eugenics and the Russian Medical Community, 1900–1917]. *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 7 (1), 7–40. (In Russian)

Kuhn, St. (2002). *The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism*. Oxford: Oxford University Press.

Lombardo, P. A. (2008). *Three Generations, no Imbeciles: Eugenics, the Supreme Court, and Buck v. Bell*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Mazumdar, P. M. H. (1992). *Eugenics, Human Genetics and Human Failings: The Eugenics Society, Its Sources and Its Critics in Britain*. London; New York: Routledge.

Pchelov, Ye. V. (2005). Genealogiya i yevgenika v Rossii v 1920-e gody. Nekotoryye arkhivnyye materialy [Genealogy and Eugenics in Russia in the 1920s. Some Archival Materials]. *Genealogicheskiy vestnik*, 22, 20–26. (In Russian)

Pchelov, Ye. V. (2007). Genealogiya v sootvetstvii yevgeniki (otechestvennyy opyt 1920-kh godov) [Genealogy in the Context of Eugenics (Russian Experience of the 1920s)]. *Trudy Russkoi antropologicheskoi shkoly*, 4, 2, 139–162. (In Russian)

Rosen, C. (2004). *Preaching Eugenics: Religious Leaders and the American Eugenics Movement*. Oxford: Oxford University Press.

Sobolev, V. S. (2013). Poiski garmonii cheloveka (iz istorii otechestvennoy yevgeniki) [The Search of Human Harmony (from the History of Russian Eugenics)]. *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 5 (1), 33–38. (In Russian)

Tanner, J. (2012). Eugenics before 1945. *Journal of Modern European History*, 10 (4), 458–479.

Сидорчук Илья Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры проблем междисциплинарного
синтеза в области социальных
и гуманитарных наук
Санкт-Петербургский государственный
университет
199000, Санкт-Петербург, ул. Галерная,
58–60
E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru

Sidorchuk, Ilya Victorovich

PhD (History), Associate Professor,
Department of Issues of Interdisciplinary
Synthesis in the Field of Social Sciences
and Humanities
St Petersburg State University
58–60, Galernaya Str., 199000 St Petersburg,
Russia
Email: i.sidorchuk@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-9760-2443
Researcher ID: H-4865-2016
Scopus ID: 56528147900